

Правда. - 1992. - 7 июля.

Юрис Подниекс. Последний кадр

Он любил смотреть в звездное небо. Однажды после этого он сказал: «В последнее время я стал больше думать о смерти». В то время он как раз закончил съемки в Чернобыле, Армении, Киришах. И повсюду, вживаясь в людские страдания, он был занят поиском смысла жизни, исканием пути к сближению людей, независимо от их национальностей, социальной принадлежности и идеологических догм.

Одна из первых его серьезных работ называлась «Созвездие стрелков». Это был фильм о земляках, латышских стрелках, их драматической судьбе и, конечно, о смысле жизни. Документальный кинорассказ о пожилых людях стал как бы своего рода разбегом для прыжка в международную известность — к фильму о молодых, сделанному, несмотря на бьющую по нервам эмоциональную откровенность и парадоксальность названия («Легко ли быть молодым?»), с философской сосредоточенностью.

...Впервые я увидел Юриса Подниекса, невысокого крепыша с простым, выразительным лицом, за столиком кафе на рижской киностудии. «Легко ли быть молодым?» уже победно шагал по экранам Союза. Я не удивился, увидав, как знаменитая Вия Артмане, проходя мимо, ласково, по-матерински обняла его за плечи. В Латвии им гордились. Через несколько минут мы познакомились, я предложил Юрису дать интервью для «Правды». Потом, обрабатывая

материал, я несколько раз прослушал диктофонную запись, перекладывая ее на чистый лист, уловил особенность Подниекса, свойственную многим по-настоящему талантливым, независимым в суждениях людям: казалось, о каком предмете ни заходила речь — он размышлял глубоко, всерьез и по-настоящему остро. «Да, Россия поработила нас, прибалтов, но в чем-то и сохранила, — горячо убеждал он. — Боюсь, закричит от слов вся Балтия, но повторяю: что-то мы в себе потеряли, но что-то очень важное и сохранили».

После всенародного прощания в Домском соборе тело Юриса Подниекса предали земле. Погиб он нелепо — утонул во время подводной охоты в озере Звиргзду, как раз в день народного праздника Лито. Эксперты сделали заключение: никаких следов насильственной смерти, алкоголя в крови тоже не обнаружено.

Лев Толстой, размышляя о жизни, пришел к выводу, что ничего случайного в любой смерти — будь она от болезни, дульной пули или несчастного случая — нет. Просто кончилась работа жизни. А случай — подоспел. Дело не в моем согласии или несогласии с такой точкой зрения. Меня поразили слова «работа жизни». Пусть, по Толстому, она кончилась и у Юриса Подниекса. Но это была вдохновенная, незаурядная и красивая работа.

Олег МЕШКОВ.